

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА СТРАХОВА

Августевич С.И.

Умер Владимир Иванович Страхов. Ушел от нас. Покинул.

Для меня эта весть была, как удар. Как большая потеря, которая, чем дальше, тем больше и сильнее отзывается в сердце.

А ведь виделись мы с ним перед этим сравнительно не так давно. Былой резвости у него уже, конечно, не было, что говорить, перевалило далеко за 85 лет, редкая птица долетит... Но так тепло обнялись, даже погуляли вместе по знакомым улицам, так не хотелось расставаться! Он подарил на прощание несколько фото, где мы были вместе. Для меня это дорогие воспоминания. И в эти минуты прощания, и в те два-три дня, что я прожил рядом с ним, так не хотелось что-то обсуждать, обещать, говорить о чем-то. Все казалось мелким, не важным, суетным. Потому что на фоне прощания и стоящего у порога расставания навсегда, что и о чем можно сказать такого, что встанет вровень с этими событиями?

Мы не только прощались друг с другом. Мы не только прощали друг другу какие-то мелкие шероховатости и недомолвки, о которых-то и вспоминать-то в эти минуты было бы не прилично, мелко. Да и не было у нас за более чем полувека дружбы ничего, что могло бы отяготить наши воспоминания, омрачить наши отношения.

Да, кстати, как их назвать?

Я думаю, это было такое крепкое мужское товарищество. В нем не было страсти и болезненной привязанности, которые характерны для любви или даже для дружбы. Не было, тем более, хоть сколько-нибудь легкого помешательства и искажения реальности, которые обычно мешают рассмотреть предмет своего обожания.

Я был привязан к В.И. как к брату, точнее, к старшему брату, когда родство и старшинство воспринимается, как природно заданная неоспоримая данность. Он действительно был старше меня. Но эти пять лет разницы мы оба воспринимали как вполне преодолимое различие.

Я хотел быть психологом, а он уже был профессионал.

Я понял, что нуждаюсь в физической активности, а он уже до меня жил в ней.

Я хочу читать специальную литературу, ищу ее, а он сам пишет такие тексты.

Я ищу знакомство с определенными людьми, а он не только их знает, но и уже составил мнение о них, которое я готов принять.

Я вижу определенные поступки отдельных людей, которые меня задевают, на которые я реагирую, а он уже пережил последствия подобных контактов с этими людьми и выработал алгоритм построения с ними отношений. Вот я, подражая ему, с успехом заимствую подобные контакты, реакции, поведение, и мы с ним (в этом вопросе, а потом и в других) сравниваемся.

Позже я заметил и убедился, что мы примерно одинаково относились к своим успехам, победам и поражениям, и даже одинаково "лечились" от ударов судьбы. У нас совпадали или были близки жизненные ценности и это сильно сближало.

За более чем полувековое общение не припомню ни одного случая, когда бы мы с ним принципиально расходились в оценках и суждениях.

Наше знакомство было закономерным, потому что я искал встречи с профессиональным психологом. Я уже встречался с разными людьми, которых с полным правом можно было считать специалистами, которые могли бы стать моими учителями. Но между нами не складывались контакты, не возникла "химия", "не пробежала искра".

Таким же закономерным было мое знакомство с заведующим кафедрой психологии Саратовского педагогического института профессором Иваном Владимировичем Страховым. Я был очень впечатлен этим знакомством, оно оставило у меня большой след. В определенном смысле оно подготовило встречу с В.И.

Так получилось, что в конце 1960 годов я по работе много времени проводил в Москве, находясь в командировках в различных учреждениях Минавиапрома. Именно в это время я был занят решением производственных задач, связанных с переработкой большого количества визуальной информации. А психология тех лет много внимания уделяла именно этим процессам. Естественно, я искал соответствующую литературу, но, прежде всего, специалистов, которые могли бы поспособствовать мне в решении этих задач. В одной из академических организаций мне подсказали, что мои поиски целесообразно было бы начать с родного Саратова. И назвали профессора И.В. Страхова, как специалиста, который мог бы сориентировать меня.

Я знал, что в Саратовском педагогическом институте есть кафедра психологии. Но по своей наивности полагал, что она занимается исключительно учебным процессом, и тамошние специалисты будут далеки от моих проблем. Тем не менее, я напросился на консультацию.

Профессор Иван Владимирович Страхов назначил мне встречу на кафедре. Я пришел в Педагогический институт впервые, пришел раньше времени, чтобы осмотреться и понять, как и чем живет такой институт и тамошние психологи. Помню, я был поражен кабинетом психологии, точнее, аудиторией, в которой проходили занятия по психологии. Тщательно оформленные стенды рассказывали о сути психологических процессов, об именах выдающихся психологов и их трудах. Но особо меня заинтересовал стенд, где были представлены статьи и монографии сотрудников кафедры. Таких работ было много. Я понял, что, фактически, основ психологии я не знал, вообще не подозревал об их существовании, что я вторгся в эту своеобразную научную дисциплину не с того входа, не с базиса. Что настоящая школа психологии находится здесь, а я знакомился ранее лишь с прикладными ее направлениями. (Кстати, есть достаточно авторитетное мнение, что психология чуть ли не единственная наука, которая, в отличие от

других наук, например, математики или биологии, не имеет единственного "входа", что ее можно штурмовать с любой точки, с любого этажа).

Было от чего загрустить.

Но Иван Владимирович проявил ко мне уважительное отношение. Он говорил со мной о научных работах, которые выполняются на кафедре, обстоятельно рассказал о своих последних публикациях и предложил почитать издания трудов сотрудников кафедры. Конечно, он видел, что многое мне в новинку, что я говорю не о психологии, а об инженерных проблемах. Тем не менее, проявляя тактичность, он ни разу не заставил меня обнаружить свое незнание предмета беседы. Более того, как глава Саратовского отделения Общества психологов СССР, он предложил мне войти в эту организацию, принять участие в ближайшей конференции и опубликовать тезисы своего будущего доклада. Что я позже и сделал.

В отличие от москвичей, с которыми я до него встречался, он не говорил таких слов, как аспирантура, министерство, прикрепление, ведущая организация. Он говорил примерно так: «—Сейчас я занимаюсь проблемой внутренней речи. Я исследую, как связан образ литературного героя с его внутренней речью. Вы знаете, есть интересные находки. Выяснилось, что...» Фактически он экспромтом читал мне, совершенно незнакомому человеку, своеобразный микро обзор своих последних исследований. Удивительная, уникальная манера общения! Вероятно, она свойственна только творческим людям. Слушая его, я думал, как мне бесконечно повезло, что встретил такого удивительного человека. А ведь мы могли разминуться, если бы я не зашел в эту комнату и не познакомился с этим невысоким, пожилым, на вид утомленным, скромным человеком, который говорил, казалось бы, тихо, но его удивительно ясно, отчетливо было слышно.

Позже я узнал, что многие ведущие преподаватели психологии пединститута и Саратовского университета были в свое время студентами, а затем и аспирантами Ивана Владимировича. Для них он на всю жизнь оставался учителем, образцом профессионализма, наставником, который учил, как надо работать в науке. Я, не скрывая, завидовал им.

Именно тогда, на этом кафедральном стенде я увидел работу Владимира Ивановича Страхова, посвященную изучению внимания в процессе рисования. Видя мой интерес, Иван Владимирович посоветовал мне встретиться с Владимиром Ивановичем и переговорить с ним.

Уточнив расписание, я пришел к началу лекции В.И., но решил встретить его на улице, перед входом. Расспросив некоторых работников Института, я сложил себе образ достаточно уверенного в себе и успешного молодого доцента, к тому же увлекающегося спортом. Мне было интересно, узнаю ли я по описанию среди входящих в институт незнакомое мне доцента В.И. Страхова.

Иван Владимирович Страхов на кафедре психологии Саратовского педагогического института. 1960-е гг.

Отвлекусь на секунду от своего рассказа. Этот прием известен, он описан в литературе. Редакция газеты "Нью-Йорк Геральд", отправила в 1871 году своего репортера Мортон Стэнли на поиски пропавшего в недрах экваториальной Африки шотландского исследователя и миссионера Дэвида Ливингстона.

Ливингстон искал истоки Нила, несколько лет о нем не было никаких известий, многие считали его погибшим, а газеты всего мира беспрестанно писали о героическом путешественнике-одиночке.

Не многие взялись бы за эту задачу – искать кого-либо, даже если известна страна обитания. А тут огромный регион мало изученного континента. В конце концов, это же не доктор Айболит, которого знают все зверушки. Но в те годы репортеры были не в пример нынешним. Мортон Стэнли решил, что найти шотландца среди жителей Африки ему будет по силам. Белокожих людей в те годы там было не много. И вот однажды на восточном берегу озера Танганьика, в селенье Уджижи, в толпе мужчин, одетых в шальвары, кандуры и табы, журналист видит седоволосого старика в европейском камзоле. Наконец-то! Но вместо того, чтобы броситься к знаменитому исследователю с распростертыми объятьями, с воплями восторга, Мортон Стэнли степенно подошел, снял шляпу и вежливо произнес историческую фразу – «Dr. Livingstone, I presume?». То есть «Доктор Ливингстон, я полагаю?»

В.И. был примерно моих лет. Как я и ожидал, он был без портфеля, без галстука и пиджака, в легкой рубашечке с коротким рукавом, их тогда называли "шведки". Я обратился к нему с классической фразой и назвал себя.

– Да, мне говорили, – сказал В.И. И спросил:

– Чем вы занимаетесь?

Я ответил что-то в самом общем виде.

– А помимо работы?

– Бегаю – нагло ответил я.

Дело в том, что год назад меня, не отпуская ни на раз, длительно мучила ангина. За время инфекционной атаки, которая тянулась более полугода, сердце ослабло настолько, что не позволяло подняться на один лестничный марш без передышки. Но после операции я стал регулярно заниматься собою, значительно окреп, стал по утрам бегать вокруг дома, доводя пробежки до 15 минут. И горд был этим результатом выше меры. Все это я хотел рассказать В.И., но он меня опередил.

– Знаете что? Давайте в ближайший выходной побегаем вместе, и вы мне все расскажете. Встретимся на Кумысной поляне, у домика лесника, часов, скажем, в одиннадцать. Вас устраивает?

Разумеется, я ответил согласием. Хотя в те минуты я не представлял себе, на что я соглашаюсь. Одним словом "побегаем" мы называли разные сущности: я – инвалидную трусцу четверть часа среди газонов перед подъездами, а он – свободный спортивный часовой бег по лесным дорогам.

Но это понимание пришло потом. А в первые минуты я почувствовал доверие и симпатию к этому человеку. Мне сразу и бесповоротно понравилось в нем все: и манера говорить, и держаться, и готовность помогать и соучаствовать, но, в то же время, помнить о своих интересах и приоритетах. Я все это принял в нем, меня не только это не раздражали ни его облик, ни его манеры, я приветствовал это все. Я как бы мысленно говорил себе: "Ура! Вот человек, которого я искал, и я нашел его".

Что же касается нашего знакомства, в тот памятный бег я с дистанции не сошел. Но он мне стоил предельных сил! Домой я пришел уже к вечеру. Тем не менее, через неделю мы с В.И. встретились снова. А потом еще и еще. И постепенно эти встречи стали постоянными. Разумеется, поначалу на лесных тропинках я выглядел более чем беспомощно. О серьезных разговорах во время бега и речи не могло быть. Но через два-три месяца я был уже просто слабым партнером, а к концу сезона с моим отставанием и слабиной уже можно было смириться, и мы бежали почти на равных. Меня восхищало, что В.И. не понуждал к тому, чтобы я ровнялся на него, не подгонял, не торопил, не навязывал свой темп и объем нагрузки. Если ему хотелось ускориться, он, предупреждая, убегал от меня, а потом возвращался и некоторое время дальше мы бежали рядом, а потом такое ускорение могло повториться. Мы были вместе и, в то же самое время, вполне автономны, не зависимы друг от друга. Такая модель отношений у нас сохранялась все время и в других ситуациях.

Позже я убедился, что В.И. не только со мной, но и по жизни был обаятельным, внимательным, доброжелательным человеком. Он с каждым говорил на равных. Но если замечал, что собеседник воспринимает его доброжелательность, как слабость, всегда умел ясно и четко поставить его на место.

Общение с профессиональными психологами в Саратовском пединституте дало мне очень многое. Я понял, что мне сказочно повезло. Рядом со мной находились люди, получившие серьезное базовое образование, прошедшие хорошую школу и достигшие ощутимых результатов. Мне надо учиться этой науке, и учиться у них. Чтение работ Ивана Владимировича давало пример логической ясности в исследовании и изложении материала. Это рождало стремление подойти к материалу системно, помогало формировать свой индивидуальный творческий почерк. К эпохальной работе Ивана Владимировича Страхова «Л.Н. Толстой как психолог» я обращался много раз, перечитывая ее в разные периоды жизни, находя в ней множество полезных мыслей.

С его сыном – **Владимиром Ивановичем Страховым** – я имел возможность обсуждать только что оконченную его большую работу по исследованию внимания в рисовании. Это направление мне казалось близким к черчению, к технике. Процесс чтения технических чертежей был предмет моих исследований. Но я тогда не мог связать, как связаны чтение чертежа (процесс как бы "обратный" созданию чертежа) и внимание, хотя интуитивно чувствовал родство этих процессов. Владимир Иванович, как исследователь, долго работал над проблемами внимания, и я всегда восхищался, насколько глубоко и всесторонне он изучал эту тему, наблюдая динамику сосредоточения на последовательных мыслительных или реальных задачах в разных сферах учебной, трудовой, спортивной, педагогической и других видов деятельности.

В.И. Страхов был не на много старше меня, и поэтому его успехи казались мне достижимыми, они воспринимались, как жизненный пример. Я постоянно искал общения с ним, учился у него психологии, жизни, спорту. Все долгие годы нашего знакомства и дружбы он был для меня примером фантастической работоспособности, умения организовать, планировать свою жизнь, ставить перед собой ясно обозначенные цели и добиваться их реализации. Я ходил к нему на лекции, читал его работы, слушал его выступления, учился у него писать научные статьи, работать со студентами, строить отношения с коллегами. Но также учился у него бегу и велоспорту. Он никогда не был дидактичен, я ни разу не слышал от него нотаций, выговоров, нравоучений. В оценках и суждениях он всегда был прям и понятен. С него можно было бы писать психологический портрет понятия "стилевое единство". Во всем, чтобы он не делал, чем бы не занимался, был предельно сосредоточен, обстоятелен, конкретен.

История наших отношений требует рассказать о спортивных победах. Хотя в наших занятиях спортом мы не стремились к рекордам. Для нас главный результат был не очки-голы-секунды, а ощущение переполненности здоровьем и счастьем. Но, тем не менее...

К концу 1960 годов наши часовые и полуторачасовые пробежки стали обыденностью. Мы меняли маршруты, не только чтобы разнообразить впечатления, но и чтобы проверить себя на трудность и сложность. Запомнился один такой забег, о планировании которого мы заранее не

договаривались. Встретились на Вокзальной площади и там же сходу решили подняться "в темпе" на гору и там побегать "в удовольствие". Завокзалье пробежали сходу, миновали завокзальные кладбища, стрелковый полигон и не останавливаясь поднялись на плато. Вид на город с него открывался прекрасный, но нас манил не он, а лес, который был примерно в полутора километрах от края плато. В лесу нас ждала прохлада и тень. Там мы в полную охотку бежали около двух часов. Провели нашу любимую Кумысную поляну. А потом не меняя темпа обратным путем вернулись к завокзальному плато, спустились вниз и, минуя кладбища, оказались на Вокзальной площади.

Пожали друг другу руки и разошлись по своим троллейбусам. Перед посадкой я снял майку и отжал ее. Она была, как будто я в ней плавал. Три часа с лишним пролетели как счастливые мгновения.

Запомнились и другие забеги, в которых были свои "изюминки". Например, маршрут Площадь Революции (как она теперь называется?) – Дом отдыха "Волжские дали", который мы бежали на время. Там был запоминающийся подъем на Соколовую гору и аккуратный пляжик в самом Доме отдыха, в конце 17 километровой маршрута. Каждый из нас прошел эту дистанцию победителем (в своей возрастной группе!) Остался в памяти и марафон вдоль левого берега Волги на место приземления Ю.Гагарина и обратно, дистанция была чудовищно однообразной и марафон был плохо организован.

Совсем другие, но не менее радостные, ощущения ждали нас, когда бег сменился велосипедом. Не осталось в памяти, как детально происходила эта смена. Только помню, в начале 1970 годов я долго колебался в выборе машины: брать спортивный или дорожный велосипед, а также новый или с пробегом? Остановился на туристском варианте в комплекте с гоночными колесами.

Тогда же сложилась наша группа. К нам с В.И. прибавились одноклассник Владимира Ивановича, мастер на все руки Игорь Федукевич и литейщик с Авиазавода – удивительно милый, хорошо физически развитый Николай Пивень. Временами приходили в группу и другие люди, но эти были практически постоянно. Маршруты велопробегов требовали простора. В городе было тесно, не развернуться. Поэтому стремились вырваться в ближайшие пригороды. Наиболее часто мы уходили по Воронежскому тракту, на Вольск, в сторону Балаково, Маркса. Когда накопился опыт и перестали пугать километры, В.И. предложил многодневные походы. Наиболее популярными стали поездки в Волгоград на День Победы. Им предшествовали тренировочные гонки, обычно до Камышина.

Интересно, как в разговоре между собой мы называли свои спортивные забавы. Самым редким словом было "покататься". Оно нам совершенно не подходило, потому что мы садились в седло работать, а не развлекаться, не отдыхать. А в слове "кататься" слышались декларируемые необязательность, беспечность, неорганизованность. Более правильным было слово "поездка"

В нем, прежде всего, ощущалась цель, организация, сроки, даты. А за этим всем слышались нагрузка, готовность техники, личная подготовленность.

Но поскольку мы все-таки не были профессионалами и видели в спорте прежде всего развлечение, то между собой мы говорили о предстоящем с ноткой некоторой пренебрежительности к предстоящим нагрузкам, с эдакой удалью дилетантов. Например:

– А не стогнать ли нам в ближайшую неделю в Маркс? Что-то давно мы классика не навещали.

– А сколько до классика, примерно?

– От Энгельса по карте 40 км.

– Ну, что, нормально. 2 часа туда, перекусим и назад, то да се, 5-6 часов, прекрасная прогулка.

– Значит, договорились. Встречаемся на Соборной площади в 9 утра, в воскресенье.

Поездка в Волгоград планировалась более тщательно. В.И. договаривался о ночлеге в Камышине и в Волгограде. Важно было 9 мая быть на Мамаевом кургане на торжестве. А до или после этого события быть в городе, чтобы соучаствовать, видеть, как этот день отмечают местные жители, присоединиться к ним.

Наше отношение к историческим событиям более или менее соответствовало словам популярной, тогда впервые прозвучавшей песне: "Это праздник порохом пропах, это радость со слезами на глазах". Но понимание масштаба трагедии пришло однажды после спонтанной беседы с местным жителем, который был очевидцем и участником происходящего летом 1942 года.

"Мы жили в Сталинграде, в глубоком тылу, война была где-то там, далеко на западе. И вдруг, в считанные дни город заполнили отступавшие солдаты. Начались бомбежки, паника. Эвакуироваться не разрешили. Все оставались в своих домах. Всех куда-то записывали. Я пошел в школу, Мужская школа, шестой класс. Там военрук всех переписывал. Потом нас построили в школьном дворе. Сказали: "Вы все мобилизованы. Вы военнообязанные. Сейчас идете домой, берете кружку, ложку, чего-то перекусить и через 4 часа вернуться сюда. Кто не вернется – дезертир. Дезертир подлежит расстрелу". Через 4 часа мы снова собрались. Нас построили, и мы пошли куда-то, в ночь. Какие-то родители, матери, шли вдалеке за нами. Привели в какое-то поле. На 5 человек дали одну лопату, сказали рыть окоп. Утром привезли ящик бутылок с зажигательной смесью. Показали, как пользоваться. "Вот идет немецкий танк. В окопе надо пригнуться. Когда до него останется 10 метров, надо зажечь фитиль на бутылке. Когда останется 5 метров, надо высунуться из окопа и бросить в танк эту бутылку. Бутылка разобьется, и танк загорится. И немцы не пройдут. Есть вопросы? Один мальчик спросил: "А танк будет стрелять?" Военный сказал: "Танк стрелять будет. А ты если будешь сеять панику, то ты паникер.

А паникеры подлежат расстрелу. Есть вопросы?" Вопросов больше не было. Мне было 13 лет".

В ходе велопробега Саратов – Волгоград. В.И. Страхов – слева. 1978 г.

Если в спортивных делах мы с В.И. были более-менее на равных, то есть наш разрыв в подготовке или в спортивной форме был не значительный, то в психологии наши отношения были в стадии "учитель – ученик".

Тематически мои психологические эксперименты были ему ясны и понятны. Но их описание, разбор, анализ отсутствовали. А без этого, что можно было обсуждать?

В своих работах, которые он публиковал, Владимир Иванович рассматривал внимание как последовательное сосредоточение на определенных задачах, связанных с целью деятельности или диктуемых ею. Это было близко моим мыслям о чтении чертежа как последовательном решении визуальных и/или интеллектуальных задач пространственного представления изображенного объекта. Продвигаясь далее, мы оба хорошо понимали друг друга. Я готов был отслеживать, как формируется маршрут рассматривания объекта, переноса внимания с одной части объекта на другую, представления определенных действий, формирующих представления об этих объектах или их составных частях. Понятно было также, как можно регулировать внимание, удерживать сосредоточение на отдельных частях объекта, выявляя, например, особенности объекта или изменение отдельных характеристик. Но дальше возникало расхождение в планировании стратегии работы. В.И. считал, что тщательное изучение и оформление этих задач может быть именно содержанием моей работы. А мне казалось, что может возникнуть вопрос: а зачем все это, вот вся это проделанная работа, что она дает "народному хозяйству"? И то, что я не мог (пока, то есть именно тогда) ответить на это вопрос, меня тормозило, останавливало. Он считал, что надо продолжать работу, решение придет в процессе продвижения, анализа, типа "война план покажет". А я рефлексивал, сомневался, тормозил.

Но он был уже сложившийся психолог, кандидат наук, получивший фундаментальное базовое психологическое образование. Он мог точно и ясно описать наблюдаемое явление. А я лишь осваивал алфавит и логику новой для

меня науки. Мне сейчас кажется, что тогда именно это меня останавливало. Но я продолжал читать психологическую литературу, и с каждым разом мне становилось проще говорить о психологическом содержании деятельности и действий, которые я наблюдал и описывал.

Без преувеличения можно сказать, что Владимир Иванович был моим наставником в психологии. В спорте таких называют играющий тренер. То есть тот, который учит своим личным примером, а не наставлениями и инструкциями. Не знаю, насколько эта манера, этот стиль общения ученика и учителя типичен в спортивной психологии, но тема педагогического такта широко обсуждалась на кафедре у И.В. Страхова и мы с В.И. не раз обсуждали ее между собой.

В.И., помнится, исходил из того, что психолог лучше педагога видит возможности своего ученика и более грамотно может мотивировать его, чтобы тот сам добивался результата.

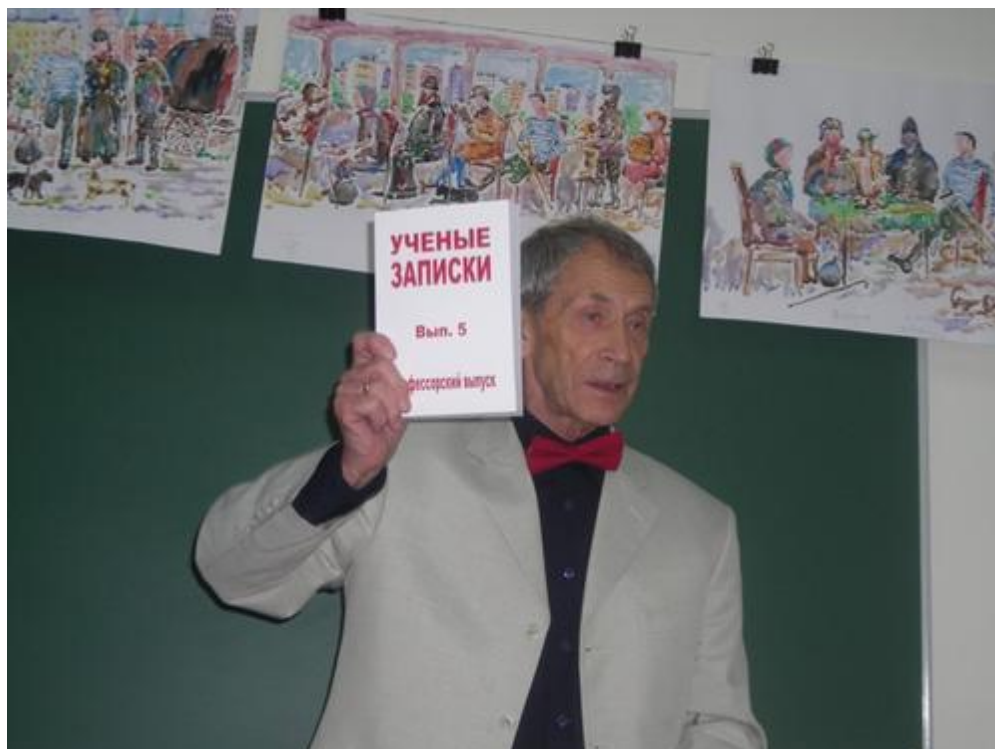
А педагог – зная, как учить, воспринимает ученика, как материал, из которого предстоит вылепить исполнителя, вытесать, вырубить, открыть, создать того, кто позже будет нечто делать, исполнять. То есть сформировать будущую деятельность с помощью определенных приемов, методик, в определенном смысле применяя некоторое понуждение, давление, требование.

Сам В.И. склонялся к тому, что надо правильно мотивировать ученика. Но при этом понимать систему ценностей, в которой живет ученик, и отдавать предпочтение удовлетворению жизненно более важных. Мне его позиция представлялась более гуманной, а потому более симпатичной.

Интересная деталь. В.И. Страхов, как человек предельно деятельностный, при встрече всегда говорил о том, что он сделал за последнее время, как будто отчитывался, рапортовал. Это было непривычно, "прикольнo", как сказали бы сейчас, но, главное, сильно мобилизовывало. Никакой пустой болтовни, незначимых разговоров на пустые темы. Только по делу, исключительно конкретно, четко и ясно. Примерно так:

– Что-то давно вас не было видно. Я за это время довел утреннюю пробежку до полутора часов. Отослал в пять адресов различные тезисы по психологии внимания и отдал в печать статью в кафедральный сборник. Кстати, очередная конференция нашего Саратовского общества психологов состоится в конце сентября. Если хотите выступить там с докладом, тезисы надо сдать до 15 числа.

Знакомство и общение с таким человеком обязывало ко многому.

Владимир Иванович Страхов в день своего 80-летия (СГУ). 2012 г.

Одной из особенностей педагогической деятельности В.И. было чтение лекций. Я слышал восторженные отзывы об этом от его студентов и коллег. Поэтому в начале нашего знакомства попросил у В.И. разрешения побывать на его лекциях. Помню, к моей просьбе В.И. отнесся совершенно спокойно, просто и по-деловому. Он назвал темы предстоящих лекций, и мы решили, что лучше начать с младших курсов. Так получилось, что мы не смогли обсудить мои впечатления о его лекциях сразу же, а вернулись к этому спустя значительное время. Я понимал, что мое мнение для него не может иметь решающего значения, и потому его не детализировал. Но в обобщающей оценке при каждом удобном случае я говорил о них в превосходных степенях.

Что же в них было особенного?

Прежде всего, он читал артистически. Буквально с первых минут, он привлекал внимание аудитории к себе, к своим словам, к смыслу своих слов. Он показывал и разъяснял значения, которые могут иметь для слушателей, его слова. Он был динамичен, подвижен, использовал весь арсенал художественного чтения, но делал это предельно осторожно, скупое, не увлекаясь этими приемами. Слушать его было интересно, но главное было не слушать, а слышать. Он предупреждал, что произойдет, когда слушатели начнут думать над его словами, размышлять, искать ответ. Чуть ли в первых лекциях он начинал мотивировать студентов, подчеркивая трудность предмета и сложности, которые их ждут на экзамене. Он рассказывал, что для него, как экзаменатора, наибольшую ценность будут иметь размышления студента, поиск ответов на вопросы, которые возникают по ходу изучения предмета, иллюстрации ответов примерами из жизни, педагогической практики. Он умел

показать, что психология – это важнейший и главнейший предмет. Не только в арсенале педагога, но, прежде всего, человека.

Он никогда не повторялся, не пользовался, что называют "прошлогодними конспектами", вообще не пользовался конспектами. Было такое впечатление, что он делает открытие прямо тут, в аудитории.

Его лекции всегда были адресными мастерскими импровизациями. Конечно, и это почти сразу бросалось в глаза, он учитывал состав, численность и подготовку конкретной аудитории, какие-то другие ее характеристики. С первых минут у слушателей возникало представление, что его слова непосредственно адресованы именно им, и это сразу же поднимало их заинтересованность. Но главное, все его лекции имели общую черту, они были авторские, особенные, так читал только он. Их отличали не дикция, ни тембр, ни артикуляция, а социальный посыл, психологическая направленность. Все его лекции содержали призыв, они были направлены именно студентам, и главное, они были обучающие.

Он хотел заечь слушателей, восхитить, удивить. Чем? Вот главное в ответе на этот вопрос. Он открывал слушателям их внутренний мир. Для многих это было большое открытие. Но практически для всех это была область непознанного. Он учил интересу к внутреннему миру, показывал, как формировать свой внутренний мир. Объяснял на множестве простых и сложных примеров, как различать между собой внешнюю видимость и внутренний мир, как они драматически сталкиваются и как человек переживает это. И умение обращаться к своему внутреннему миру может стать для человека постоянным ресурсом на всю жизнь. В идеале он хотел бы, чтобы встреча с психологией, с психологом была для молодого человека событием, поскольку открывала ему самого себя.

Он, конечно, знал это из литературы, но прежде всего из собственного опыта. Однако именно это он не рассказывал в аудитории. И вообще старался избегать личных и личностных примеров. Он был профессионал, а профессионал-психолог – это самый надежный хранитель секретов.

Так сложилось, что в девяностые и нулевые годы я не был в Саратове. Лишь краем глаза я видел, как в этой резко меняющейся обстановке В.И. не запаниковал, не растерялся. Он занялся издательской и редакторской деятельностью и преуспел в этом. Параллельно вернулся к художественному изобразительному творчеству, создав беспримерные, гигантские, в более ста листов серии фантастической реальности *"Первомайская, дом 32"* и *"Карты Таро"*. Эти работы стали событием в Саратове, они выставлялись, о них говорили и писали. Вот уж воистину, если человек велик, то он велик во всем, чтобы он не делал.

И вот не стало такого яркого, самобытного, удивительного человека.

Но жизнь продолжается. Пусть примеры его жизни и трудов послужат основанием для подвигов новых молодых поколений. Пусть они, используя его пример, превзойдут его. А мы, его друзья, коллеги и товарищи будем этому рады.